

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В БУРЯТИИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

© 2021

Дроботушенко Е.В.¹, Ланцова Ю.Н.¹, Камнева Г.П.², Сотников А.А.², Сотников С.А.²

¹Забайкальский государственный университет (г. Чита, Российская Федерация)

²Московский государственный областной университет (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье, на основе архивных данных, характеризуется религиозная ситуация в Бурятской АССР, затем Бурятской ССР и Республике Бурятия в период смены социально-политического развития отечественной государственности, в конце 1980-х – начале последнего десятилетия XX в. Авторы говорят о том, что данная проблематика на сегодняшний день не получила серьезного анализа в рамках научных публикаций. Основу исследования составили архивные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Целью исследования является характеристика религиозной ситуации на приграничной локальной территории в сложный переходный период отечественной истории. Методология исследования опирается на основополагающие принципы исторической науки, принципы историзма и объективности, которые позволили рассматривать достаточно сложную составляющую жизни социума – религию – не предвзято, в ее историческом развитии. Результатом исследования стало выделение черт протекания религиозных процессов в Бурятии в рассматриваемый период. Авторами приводятся количественные показатели по зарегистрированным религиозным объединениям, культовым постройкам. Религиозная ситуация оценивается на фоне общей по РСФСР (Российской Федерации), с приведением статистики по республике и по стране. Отмечается, что тенденции протекания религиозных процессов в Бурятии в рассматриваемое время были схожи с общегосударственными. Это резкий всплеск религиозности, на фоне разрешения свободы вероисповедания, с одной стороны, и в условиях социально-экономического кризиса – с другой. Говорится о том, что в Бурятии, помимо традиционных для региона религиозных учений, появились новые, среди которых встречались, в том числе, и учения тоталитарных сект. Описываются сложности, возникавшие в связи с изменением отношения власти к религиям. Отмечается, что необходима дальнейшая работа с источниками, которая позволит воссоздать наиболее полную картину религиозной ситуации в Бурятии в сложный переходный период конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Ключевые слова: религия; религиозная ситуация; религиозные процессы; Бурятская АССР; Бурятская ССР; Республика Бурятия.

THE RELIGIOUS SITUATION IN BURYATIA IN THE LATE 1980S AND EARLY 1990S

© 2021

Drobotushenko E.V.¹, Lantsova Yu.N.¹, Kamneva G.P.², Sotnikov A.A.², Sotnikov S.A.²

¹Transbaikal State University (Chita, Russian Federation)

²Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation)

Abstract. Based on archival data the paper describes the religious situation in the Buryat ASSR, then the Buryat SSR and the Republic of Buryatia during the change of socio-political development of the national state in the late 1980s – early last decade of the XX century. The authors say that this problem has not received serious analysis in the framework of scientific publications. Therefore, the research was based on archival documents of the State Archive of the Russian Federation (SA RF) and the State Archive of the Republic of Buryatia (SARB). The purpose of the study is to characterize the religious situation in the border area of the local territory in a difficult transition period of national history. The research methodology is based on the fundamental principles of historical science, the principles of historicism and objectivity, which allowed us to consider a rather complex component of the life of society – religion, without bias, in its historical development. The result of the study was the identification of features of religious processes in Buryatia during the period under review. The authors provide quantitative indicators for registered religious associations and religious buildings. The religious situation is assessed against the background of the General situation in the RSFSR (Russian Federation), with statistics for the Republic and the country. It is noted that the trends of religious processes in Buryatia, at the time under review, were similar to the national ones. This is a sharp surge in religiosity, against the background of the resolution of religious freedom, on the one hand, and, in the context of the socio-economic crisis, on the other. It is said that in Buryatia, in addition to traditional religious teachings for the region, new ones appeared, among which, there were the teachings of totalitarian sects. It describes the difficulties that arose in connection with the change in the attitude of the authorities to religions. It is noted that further work with sources is necessary, which will allow us to recreate the most complete picture of the religious situation in Buryatia during the difficult transition period of the late 1980s – early 1990s.

Keywords: religion; religious situation; religious processes; Buryat SSR; Buryat ASSR; Republic of Buryatia.

История различных религиозных учений в Забайкалье в разное время нашла отражение на страницах научных публикаций [1–11]. В то же время можно

достаточно обоснованно говорить о том, что ее этапы рассмотрены не в равной мере. Очень слабое изучение получил послевоенный советский период. Практиче-

ски не изучено переходное время второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Оно в «религиозной» истории Бурятии, впрочем как и в истории всей страны, особое. Нахлынувшая «свобода» в рамках новой модели социально-политического развития привела к бурному росту, с одной стороны, количества религиозных организаций, с другой – количества религиозных учений. Таким образом, предмет-объектное поле потенциального исследования является невероятно широким. При этом, в отличие от советского времени, стали появляться первые статистические выкладки, касающиеся религиозности населения, более полными стали отчетные документы, представленные в фондах архивов.

Сказанное предопределяет актуальность темы исследования, а также особый к ней интерес.

Хронологические рамки работы затрагивают период рубежа последних десятилетий XX в., что объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, названные годы – это время очень активной деятельности представителей самых разных религиозных учений. Во-вторых – это годы смены административного статуса территориальной единицы. Осенью 1990 г. Верховным Советом Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики принята Декларация о государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики, а в марте 1992 г. последняя переименована в Республику Бурятия.

Исследование построено на комплексном использовании общенаучных и специальных научных методов. К первым относятся методы сбора, анализа и синтеза материала, а также метод аналогии. Серьезная исследовательская работа возможна только при качественном сборе материала, разделении его на части и сбора частей со схожими составляющими в единое целое. Очевидным является и важность использования сходства явлений и действий. Типологический метод позволил на основе сопоставления выделить группы определенных признаков религиозной ситуации и религиозных процессов на территории Бурятии в рассматриваемое время. Структурный метод, основу которого составляет структурно-функционалистский подход, дал авторам возможность рассматривать религиозную систему как особую, в рамках социальных связей, с выделением присущих только ей свойств.

Наряду с общенаучными методами познания использовались специальные методы исторической науки. Особое значение для исследования имеет сравнительно-исторический метод, который позволил проанализировать религиозную ситуацию в Бурятии на разных этапах ее исторического развития в сравнении.

Религиозные процессы на территории Бурятской АССР на протяжении длительного времени протекали приблизительно с одинаковой динамикой. Их нельзя назвать особо активными. Такая картина свойственна периоду с середины 1960-х гг. до последних лет девятого десятилетия XX в.

До середины 1960-х гг. на территории, изначально Бурят-Монгольской, а с 1958 г. Бурятской АССР было четыре официально зарегистрированных и легально действовавших религиозных организации. Две Русской Православной Церкви в гг. Улан-Удэ и Кях-

та, одна старообрядческая (беглопоповского согласия) в селе Новый Заган Мухор-Шибирского аймака и буддистская при Иволгинском дацане вблизи г. Улан-Удэ. Однако так называемая «хрущевская антирелигиозная» реформа привела к закрытию двух из четырех религиозных организаций – одной Русской Православной Церкви в г. Кяхта и одной старообрядческой в Новом Загане [12, л. 1; 13, с. 139; 14, с. 76].

С середины 1960-х до середины 1980-х гг. на территории Бурятской АССР существовало две зарегистрированных религиозных организации. По незарегистрированной информации немного. При этом если по неправославным определенными данными дал единовременный учет религиозных организаций 1961 г., то по православным такой информации практически нет. Также следует сказать, что, кроме данных названного единовременного учета и по неправославным учениям, вплоть до второй половины 1980-х гг. информация, известная на сегодняшний день, отрывочна.

Согласно некоторым публикациям, религиозность населения Бурятии в 1980-е гг. значительной не была, составляя 3–4% глубоковерующих и 5–6% верующих, но не соблюдавших обряды [15, с. 134].

Имеющиеся упоминания позволяют говорить о стабильных, без резких изменений религиозных процессах в республике. Изменения, очевидно, наступят в связи с перестройкой и попыткой изменения в ее рамках существовавшей социалистической модели развития государства, что привело к смене социально-политической и экономической парадигм. Одно из изменений коснулось религий. Введение свободы совести и свободы вероисповедания привели к резкому всплеску религиозности населения, причем как реальной, основанной на искренней вере, так и псевдорелигиозности, предопределенной тенденцией «не отставать от времени и от других». Начинается массовая регистрация религиозных объединений и постепенная, на начальной стадии, передача религиозным сообществам культовых построек для ведения служб. Количество таковых постоянно увеличивалось.

Следует также сказать, что всплеск религиозности в обществе происходит в кризисных ситуациях, когда индивид пытается найти новый для себя вектор развития и понимания действительности. Это, вероятно, также сыграло свою роль во всплеске религиозности в Бурятии на рубеже 1980–1990-х гг.

Прежде чем говорить о религиозных процессах на территории отдельного региона РСФСР – Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики, следует остановиться на анализе черт изменения религиозной ситуации по РСФСР в целом. Это даст возможность более полного представления того, насколько Бурятия шла в общих тенденциях.

Как отмечалось выше, толчком к резкому повышению религиозности населения стало определенное послабление со стороны советской власти в отношении религий, а затем и разрешение свободы вероисповедания. Это привело к росту регистрации религиозных сообществ, которую можно проследить по статистическим данным. Динамику регистрации ре-

лигиозных организаций в РСФСР в целом в конце девятого десятилетия XX в. показывают общие цифры. Однако относительно них есть вопросы. Так, при значительном росте количества зарегистрированных религиозных объединений на рубеже 1980–1990-х гг. называется одинаковое число священнослужителей.

Независимо от обстоятельств цифры показательны, особенно по последним годам девятого десятилетия XX в. Так, на 1988 г. в РСФСР было 4553 религиозных объединения, из которых 3077 зарегистрированных. Из названного количества 1909 относилось к Русской Православной Церкви, 695 к Евангельским христианам-баптистам, 119 к старообрядцам, 67 к мусульманам, 25 к иудеям, 26 к католикам, 154 к лютеранам, 288 к пятидесятникам, 73 к меннонитам, 82 к Свидетелям Иеговы, 2 к буддистам, 6 к Армянской апостольской церкви [16, л. 10].

На начало 1989 г. по республике был зарегистрирован 2081 приход Русской Православной Церкви, 555 приходов мусульман, 696 приходов Евангельских христиан-баптистов, 17 приходов старообрядцев. Всего было 4673 религиозных объединения при 6468 чел. священнослужителей [17, л. 4].

На 1 января 1990 г. в РСФСР было 3 990 зарегистрированных религиозных объединения, из которых 2524 Русской Православной Церкви, 579 Евангельских христиан-баптистов, 383 мусульманских, 131 старообрядцев, 26 иудеев, 18 католиков, 78 лютеранских, 63 пятидесятников, 109 Адвентистов седьмого дня, 38 меннонитов, 8 буддистов, 7 Армянской апостольской церкви и др. Общее количество служителей культа составляло 6 468 чел. В республике была 41 епархия Русской Православной Церкви [18, л. 1].

Очевидно, что спорные цифры требуют определенного уточнения. В то же время общая картина роста количественных показателей, что называется, налицо.

На территории Республики Бурятия, так же как и по всему государству, религиозная ситуация стала трансформироваться во второй половине 1980-х гг. К сожалению, на сегодня обнаружено мало документов, характеризующих протекавшие процессы. Некоторые говорят о том, что изменения происходят к началу 1990-х гг. или же уже в последнем десятилетии XX в., называя сам процесс «возвращением религии» в жизнь Республики Бурятия [19, с. 19; 20, с. 202; 21, с. 53].

В одном из документов указывалось, что уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Бурятской АССР на конец 1980-х гг. представлен слабый анализ религиозной ситуации по мусульманам и буддистам [22, л. 20]. При этом цифровые показатели самого анализа не приводятся и не позволяют в полной мере охарактеризовать картину по названным религиозным учениям.

В документах встречаем упоминание о том, что в Бурятской АССР во второй половине 1980-х гг. были «очаги напряженности» на религиозной почве. Это конфликты на местах, где, как правило, не изучается и не контролируется религиозная ситуация [16, л. 14].

Массовая регистрация религиозных объединений на рубеже 1980–1990-х гг. привела к тому, что на местах стали возникать сложности в самом процессе.

Не стала здесь исключением и Бурятская АССР, а затем ССР. Для упрощения деятельности власти из Совета по делам религий при Совете Министров, а также Министерства юстиции СССР поступали нормативные акты с разъяснениями, а также популярные материалы. Таковыми, к примеру, являлись письмо министерства финансов РСФСР от 03.01.1991 г. «Об изменении налогообложения доходов, получаемых гражданами от работы в религиозных организациях, отмене взимания налога с владельцев строений и земельного налога с религиозных организаций» или брошюра «Разъяснения о порядке регистрации уставов (положений) религиозных организаций» [23, л. 2–7].

Следует сказать, что на сегодня не обнаружено серьезных, объемных данных по изменениям в религиозной ситуации в Бурятии в самом начале последнего десятилетия XX в., а вот по более позднему времени таковая, пусть относительно полная, имеется.

В мае 1992 г. Республику Бурятию посетил первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин. Во время поездки он был в Иволгинском дацане, где состоялся разговор о необходимости помощи в возрождении религий. По итогам было принято решение о выделении 10 млн руб. из федерального бюджета на реставрацию Тамчинского (Гусиноозерского) дацана и 5 млн руб. на реставрацию Байкало-Кударинской церкви. Известно также, что Правительство России выделило 15 млн руб. на строительство буддистского комплекса в Верхней Березовке, а Правительство Республики Бурятия 3 млн руб. на восстановление церкви Святой Троицы в г. Улан-Удэ [24, л. 9; 25, л. 3].

И все же основным проектом восстановления религиозных объектов на начало 1990-х гг. в Республике Бурятия являлся проект воссоздания комплекса Гусиноозерского (Тамчинского) дацана. К началу десятилетия он находился на государственной охране как памятник архитектуры федерального значения. На территории монастыря сохранилось 2 здания. Строение дугана «Деважан» было перенесено на территорию этнографического музея, строение «Аюшин» в 1992 г. возвращено из Новосибирска и восстанавливалось подрядчиками для дальнейшего переноса на территорию дацана. Здание «Чойры» после реставрации 1991 г. было передано в безвозмездное пользование Тамчинской буддистской общине. Вероятно, это тот первый в республике «храм-дуган», чьим восстановлением занимались заключенные. Об этом на имя Председателя Совета Министров Бурятской ССР В.Б. Саганова писал начальник учреждения МВД Бурятской ССР исправительно-трудовой колонии ОВ-94/1 [24, л. 23]. По Тамчинскому дацану продолжалась ремонт-реставрация здания «Цогчен» [24, л. 8].

На 1993 г. в Республике Бурятия действовало на постоянной основе 15 дацанов и молельных домов, возведенных путем народной стройки, без привлечения и использования бюджетных средств [25, л. 4].

Действительно, желающих сделать вклад в восстановление того или иного культового объекта, а также поучаствовать в самой стройке или реставрации в республике было много. В связи с этим Совет по делам религий при Совете Министров Республики Бурятия

обратился к своему уполномоченному В.Г. Батомункуеву с требованием обеспечить проведение разъяснительной работы по привлечению добровольных взносов предприятий, организаций, граждан [24, л. 9].

В первой половине 1990-х гг. появилось и такое новое явление, как «благотворительный марафон». Так, 7 марта 1993 г. в с. Курумкан был проведен марафон по сбору средств на возрождение Баргузинского дацана. Причем организатором выступили органы местной власти. Об этом говорится в письме за подписью председателя Курумканского райсовета Б.В. Самбуева. Аналогичный марафон состоялся в Дасатуйской общине. Целью его стал сбор средств на Комплекс-субурган памяти Гомон хамбо Агван-Нима-Римпоче в с. Эрхирик [24, л. 10, 26].

Помимо восстановления храмов и монастырей, с изменением отношения к религии у буддистов Бурятии появилась возможность строительства ступ – культовых сооружений особого типа. Просьба от верующих о строительстве одной из первых поступила в 1990 г. Речь шла о ступе «Джарун-Хашор» при Кижингинском дацане. Причем если старая (строительства 1919 г.) была размером 18 × 18 м при высоте 8 м, то новую строили размером 44 × 44 м, при высоте 33 м. Строительство началось в 1992 г. на пожертвования. При этом изначальная сметная стоимость была 2,6 млн руб., а к 1993 г. было потрачено 16 млн руб. [24, л. 18–21].

Восстановление и строительство новых культовых построек – это только часть процесса религиозного возрождения Бурятии. Иная составляющая – культовые предметы, которых не было. В сложившейся ситуации от священнослужителей и верующих стали поступать просьбы о передаче общинам культовых предметов, которые были реквизированы в советское время. Такая просьба поступила от настоятеля Санагинского дацана о передаче имущества, конфискованного в 1934–1938 гг., а также Ганджура и Данджура, которые находились в работе у профессора Бурятского научного центра В.Ц. Найдакова. Схожее письмо поступило от прихожан Ацагатской буддистской общины. Они также просили вернуть 198 томов Ганджура, который хранился на то время в Одигитриевом соборе г. Улан-Удэ, куда был привезен в начале 1920-х гг. [24, л. 22, 27].

Не остались в стороне от аналогичного рода просьб и православные. Причем некоторые общины пошли дальше. Так, жители с. Никольск Мухоршибирского района в феврале 1993 г. приняли решение просить у Правительства Бурятии денежную компенсацию за увезенную из села церковь. Сумма была обозначена в 120 млн руб. [24, л. 25].

Значительную активность в Бурятии в рассматриваемое время проявили представители старообрядчества. В 1992 г. в органы власти республики поступило письмо за подписью секретаря старообрядческого патриарха Новозыбковского Московского и Всея Руси Священноархимандрита Александра с просьбой передать Одигитриев храм в г. Улан-Удэ старообрядцам, помочь Бичурской общине восстановить церковь в с. Бичурской, создать при Верховном Совете республики отдел из древлеправославных христиан ста-

рообрядцев. В ответ было указано, что с 1991 г. при Одигитриевом соборе г. Улан-Удэ зарегистрирована община Русской Православной Церкви [24, л. 28–29].

О передаче общине верующих здания костела и имущества, бывшего ранее у верующих римско-католической церкви, просили католики. Такое письмо поступило на имя председателя республиканской комиссии по передаче региональным организациям культовых зданий и имущества от Председателя правления Общества польской культуры «Надзея» В.В. Соколовского. До революционных событий 1917 г. у католиков в г. Улан-Удэ было два костела, один у железнодорожного вокзала, впоследствии использовался в качестве железнодорожной столовой, второй – на улице Лесная, в нем до 1969 г. был Дом культуры, затем строение было разобрано и вывезено в район Мандрика и использовалось под профилакторий речников. В письме отмечалось, что материалы о ликвидации костела на ул. Лесной хранились в республиканском архиве, в фонде Р-248-3, дело 104. В.В. Соколовский считал правомерным требовать у речников помещение из числа их зданий взамен используемого. Судьба имущества была не известна, но предположительно оно было в краеведческом музее [24, л. 34].

Сложное переходное время, как водится, породило и предложения с откровенно криминальным налетом. Так, в 1992 г. появилось письмо на имя Председателя Совета Министров Бурятской ССР В.Б. Саганова от министра финансов тов. Дырхеева. В нем было Обращение Председателя Союза братства первопроходцев БАМ М. Калашникова о перечислении из бюджета на счет названной организации 3 млн руб. для производства оборота денег с получением средств на восстановление православного храма. Это не что иное, как махинация в Северо-Байкальском районе республики. Священник Отец Игорь оттуда писал, что к нему с такой просьбой никто не обращался [24, л. 37].

Бурный рост религиозности населения привел к тому, что к 1994 г. количество религиозных сообществ в республике значительно выросло. На 1 января 1994 г. существовало 56 религиозных общин, из которых 20 было зарегистрировано в 1993 г. При этом значительное количество из зарегистрированных относилось к нетрадиционным для региона религиозным верованиям: в Северо-Байкальском и Муйском районах 6 апостольских церквей, в Нижнеангарске церковь Евангельских христиан-баптистов, в Улан-Удэ община веры Бахаи, а также Церковь Божьей Матери преобразующейся Вселенского Богородичного вероисповедания. Тогда же появляется новое течение в буддизме – «Дзогчен» [25, л. 1]. При этом отметим, что Евангельские Христиане Баптисты в Забайкалье достаточно активно действовали в советское время, однако их нельзя отнести к широко, в количественном плане, распространенным.

Появляются в республике и особые, специфические учения, такие, например, как «Великое белое братство» – относимое рядом исследователей к тоталитарным сектам, возникшее на рубеже 1980–1990-х гг. на Украине. В 15-м номере газеты «Удинская Ночь» от 6 марта 1993 г. было напечатано обращение наз-

ванного учения к общественности с высказыванием нетерпимости к представителям иных религий. Как отмечалось в одном из отчетных документов, такие обращения появились и в иных средствах массовой информации республики [24, л. 3; 25, л. 1–2].

Следует отметить, что негативные высказывания в адрес представителей иных религиозных учений были не только со стороны тоталитарных сект. Так, осенью 1992 г. появилось письмо исполняющего обязанности начальника Бурятской региональной инспекции по защите свободы печати и массовой информации Д.-Н. Шойненова на имя редактора газеты «Молодежь Бурятии» А.Л. Дружинина, в котором отмечалось, что в номере 50 от 11.12.1992 г. напечатано обращение Забайкальского Союза русского народа, проявляющее нетерпимость к религиям «неправославным». Это вызвало возмущение многих, в том числе уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров Республики Бурятия В.Г. Батомункуева. Аналогичные заметки были и в иных газетах. Подобное неприятие неправославных верований высказали представители республиканского объединения «Русский Союз» в номере 242 от 12 декабря 1992 г. газеты «Бурятия» [24, л. 2, 5].

На территории Бурятской ССР, а затем Республики Бурятия в начале 1990 г. появляется много религиозных общин, руководящие центры которых находятся за пределами СССР. Это, например, Новоапостольская церковь в г. Улан-Удэ, руководимая из Цюриха, церковь «Слово жизни» – из Израиля, общины «Шри-чин-мой» и Бахаи – из США, при этом все члены последней имели паспорта США и Индии [24, л. 7; 25, л. 2]. Были представители и иных учений, таких как «Сознание Кришны», «Церковь объединения», движение «Фалуньгун» [26, с. 21].

Все организуемые и регистрируемые религиозные объединения выступали с ходатайствами о передаче им культовых построек для исполнения обрядовой деятельности. Власти были, в принципе, не против этого. Сложности возникали только в случае требуемого расселения занятых зданий. Такая ситуация сложилась с Одигтриевым Собором в г. Улан-Удэ и Спасо-Преображенским храмом в Баргузине [25, л. 2].

По Республике Бурятия в начале 1990-х гг. известны случаи возбуждения уголовных дел и задержаний священнослужителей. Так, в июне 1991 г. в органы власти региона поступило письмо из постоянной Комиссии по правам человека, в котором, в частности, выражалось беспокойство в связи с возбуждением бурятской прокуратурой дела против ламы Данзан-Хайбуна Самаева [27, л. 3].

«Безвременье» переходного периода создало ситуацию, когда не только появлялось множество самого разного рода религиозных сообществ, но и когда в эти сообщества, а также и в традиционные для региона конфессии приходили люди, далекие от религии, от истинных духовных ценностей и веры. Показателем этого являются действия отдельных представителей религиозных структур, которые выходили далеко за рамки «нормальной» ситуации. Так, в 1993 г. два ученика (послушника) хуварака Эгетуйского дацана нанесли тяжкие телесные повреждения священнослужителю этого храма. От них он скон-

чался. В отношении хувараков было возбуждено уголовное дело, они были задержаны [24, л. 11–13].

Еще одним фактом, характеризующим ситуацию как не самую лучшую, являются события в Тункинском районе Республики Бурятия в том же 1993 г. На имя районного прокурора поступила жалоба, подписанная 165 прихожанами Кыренского дацана, в которой они просили навести порядок в его управлении. На собрании общины верующих был снят ширетуй (настоятель). Были сведения о расхищении имущества дацана [24, л. 14].

К середине последнего десятилетия XX в. в Республике Бурятия действовали религиозные объединения следующих религиозных учений (всего/зарегистрировано):

1. РПЦ всего – 16/16.
2. Старообрядцы – 6/6.
3. Русская древлеправославная церковь (архиепископия) – 2/2.
4. Другие старообрядческие согласия – 4/4.
5. Буддисты – 11/11, из них ламаисты 7/7, другие школы буддизма 4/4 (2 «Дзогчен», 2 «Дхарма»).
6. Евангельские христиане-баптисты – 3/3, все сообщества автономны.
7. Адвентисты седьмого дня – 1/1.
8. Христиане веры евангельской, пятидесятники – 4/4, все сообщества автономны.
9. Евангельские христиане – 1/1.
10. Новоапостольская церковь – 1/1.
11. Общество сознания Кришны – 1/1.
12. Последователи веры Бахаи – 1/1.
13. «Богородичный центр» и производные от него объединения – 1/1.
14. Другие религиозные объединения – 8/8.

Представленный список показывает, что в регионе не было религиозных сообществ мусульман и иудеев. В то же время несколькостораживает отсутствие в перечне незарегистрированных религиозных сообществ. Как показывает практика, такие бывают практически во все времена, а уж в ситуации становления нового нормативного поля и новой парадигмы социально-политического развития они должны были быть обязательно [28, л. 21–26].

В Бурятии к 1995 г. действовало 20 приходов Русской Православной церкви и 14 буддистских дацанов [28, л. 1–2, 33].

Таким образом, к середине 1990-х гг. в Республике Бурятия сложилась религиозная ситуация, схожая с таковой в целом по России и по иным регионам страны. В дальнейшем она также будет развиваться в соответствии с общегосударственными тенденциями. Будут регистрироваться новые религиозные объединения, в основном традиционных для региона религиозных учений, православия и буддизма. В значительной степени сохраняются учения Евангельских христиан-баптистов и старообрядцев [29, с. 1–4].

На основе сказанного можно констатировать, что со сменой социально-политической и экономической парадигмы в СССР, с появлением либеральных свобод, с разрешением свободы вероисповедания, в Бурятской АССР, а затем в Бурятской ССР и в Республике Бурятия, как и по всей стране, произошел резкий

скачек, в количественном плане, религиозных сообществ. Также достаточно быстро выросло количество представленных в регионе религиозных учений. Помимо традиционных для региона появились новые верования. При этом появились религиозные общины, попадавшие под классическое понимание сект.

Произошедшее объяснимо. В кризисных ситуациях человек, потерявший жизненные ориентиры, ищет успокоения в религии. Когда новое, молодое государство не выстроило новый вектор развития и не подтвердило его законодательными нормами в формальном поле, возникает множество самого разного рода структур. На наш взгляд, ни к чему хорошему привести это не могло. К сожалению, отсутствует статистика по количеству ухода в секты жителей республики, но можно предположить, что в ситуации социально-политической и экономической неопределенности, их было немало.

Несмотря на сказанное, основная масса зарегистрированных религиозных объединений пришла на традиционные для региона учения – православие и буддизм. Было значительное количество протестантских сообществ, что, на наш взгляд, стало итогом формального закрепления существовавших в советское время групп.

За государственной регистрацией религиозных объединений последовали просьбы с их стороны о передаче им зданий для выполнения обрядовой деятельности, о возврате конфискованных в советское время предметов культа. В значительной степени, относительно православия и буддизма, данные просьбы были удовлетворены. В иных случаях постройки культового назначения возводились и реставрировались за счет пожертвований.

К середине 1990-х гг. в регионе в общих чертах сложилась религиозная ситуация, которая в дальнейшем будет меняться в сторону сокращения религиозных сообществ, не свойственных для региона, таких как «Бахаи», «Богородичный центр» и др., а также увеличения таковых у Русской Православной Церкви и буддистов.

Нам представляется, что проблематика всех особенностей религиозной ситуации и религиозных процессов в республике Бурятия в начале 1990-х гг. на сегодня изучена недостаточно. Для воссоздания как можно более полной картины происходившего требуется дальнейшая работа с источниками, архивными документами и статистическими материалами. Настоящее исследование – это один из шагов для написания как можно более полной истории религий в Бурятии в исторической ретроспективе.

Список литературы:

1. Злыгостева Ю.Г. Документы Национального архива Республики Бурятия по истории государственно-церковных взаимоотношений в середине 1940-х – 1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 389–393.
2. История Бурятии / отв. ред. чл.-корр. РАН, д-р ист. наук Б.В. Базаров. В. 2 т. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
3. Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 231 с.

4. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
5. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времён по XVIII век). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
6. Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 1999. 174 с.
7. Михайлова В.Т. Роль православной церкви в распространении земледелия у бурят в конце XIX – начале XX века // Вестник культуры и искусства. 2011. № 1 (25). С. 58–62.
8. Нанзанов А.Д. Религиозные объединения в Бурятии (1990–2000 гг.) // Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков. Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2002. С. 188–120.
9. Санжиева Т.Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 209–215.
10. Цыремпилова И.С., Злыгостева Ю.Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х – 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.
11. Цыремпилова И.С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2 (2). С. 37–43.
12. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 20.
13. Боронова М.М., Степанова Т.Г. Политика властных структур по отношению к православной и буддистской конфессиям в Бурятии (1943–1961 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 7. С. 135–139.
14. Васильева С.В., Бураева С.В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. 166 с.
15. Манзанов Г.Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 133–135.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А661. Оп. 1. Д. 6.
17. ГА РФ. Ф. А661. Оп. 1. Д. 13.
18. ГА РФ. Ф. А661. Оп. 1. Д. 20.
19. Анданова С.Б. Религиозность молодежи Республики Бурятия в период культурно-исторической трансформации российского общества: 90-е гг. XX – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Улан-Удэ, 2010. 23 с.
20. Белькова А.А. Возвращение религии в публичное пространство Республики Бурятия (1990–2000-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2012. № 1. С. 201–209.
21. Белькова А.А. Формирование институтов государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Улан-Удэ, 2015. 181 с.
22. ГА РФ. Ф. А661. Оп. 1. Д. 19.
23. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 271.

24. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 278.
25. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 285.
26. Ахмадулина С.З. История развития нетрадиционных религиозных объединений в Бурятии в 1990-х – начале 2000-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2010. 26 с.
27. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 272.
28. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 291.
29. Бадмацыренов Т.Б. Религиозная ситуация и религиозные сообщества на территории Бурятии // Власть. 2015. № 4. С. 103–107.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета; Забайкальский государственный университет (г. Чита, Российская Федерация). E-mail: drzz@yandex.ru.</p> <p>Ланцова Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории; Забайкальский государственный университет (г. Чита, Российская Федерация). E-mail: astra205@yandex.ru.</p> <p>Камнева Галина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени; Московский государственный областной университет (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: kamnevagp@gmail.com.</p> <p>Сотников Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени; Московский государственный областной университет (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: microlabuss@mail.ru.</p> <p>Сотников Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по электронному образованию и учебно-методической работе факультета истории, политологии и права; Московский государственный областной университет (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: sergey@histr.ru.</p>	<p>Drobotushenko Evgeny Viktorovich, candidate of historical sciences, associate professor, dean of History and Philology Faculty; Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation). E-mail: drzz@yandex.ru.</p> <p>Lantsova Yuliya Nikolaevna, candidate of historical sciences, associate professor of History Department; Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation). E-mail: astra205@yandex.ru.</p> <p>Kamneva Galina Petrovna, candidate of historical sciences, associate professor of Russian History of the Middle Ages and Modern Times Department; Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kamnevagp@gmail.com.</p> <p>Sotnikov Andrey Aleksandrovich, candidate of historical sciences, associate professor of Russian History of the Middle Ages and Modern Times Department; Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: microlabuss@mail.ru.</p> <p>Sotnikov Sergey Aleksandrovich, candidate of historical sciences, associate professor, deputy dean for electronic education and educational and methodological work of History, Political Science and Law Faculty; Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sergey@histr.ru.</p>

Для цитирования:

Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Камнева Г.П., Сотников А.А., Сотников С.А. Религиозная ситуация в Бурятии в конце 1980-х – начале 1990-х годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 204–210. DOI: 10.17816/snv2021102212.